

Новые материалы к научной биографии Н. Н. Зарубина

Изучение наследия Николая Николаевича Зарубина (1893—1942), знатока древнерусской книжности, проницательного текстолога, археографа, библиотековеда, пока находится в начальной стадии, хотя интерес к проведенным им исследованиям уже проявился в научной литературе недавнего времени. Вскоре после появления статьи С. О. Шмидта об исследовании Н. Н. Зарубиным библиотеки Ивана Грозного¹ труд ученого был опубликован с комментариями и дополнениями.²

Находка личного архива Н. Н. Зарубина в сентябре 1984 г. стимулировала обращение к наследию ученого с научно-биографической точки зрения.³

Материалы новонайденного личного архива Н. Н. Зарубина при обработке и систематизации были разделены нами на несколько разрядов: 1) официальные биографические документы (справки, автобиографии, членские книжки и т. п.), 2) рукописи научного характера (черновики научных трудов, отражающие предварительные стадии работы над предмитами исследований; копии подготавливавшихся к печати текстов; картотеки), 3) личная переписка Н. Н. Зарубина и письма его близких, 4) семейные фотографии. Вводимые нами в научный оборот неизвестные документы существенно дополняют хранящийся в Рукописном отделе Библиотеки Российской АН личный фонд ученого.⁴ Обилие бумаг документально-биографического свойства приводит к уточнениям отдельных фактов биографии исследователя и значительному расширению представлений о развитии его научной деятельности.⁵

¹ Шмидт С. О. Исследование Н. Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги» // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 37—53.

За исключением статьи В. Ф. Покровской «Картоотека академика Н. К. Никольского» (см.: Труды Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1948. С. 142—150), «написанной главным образом на основе обзора картотеки, составленного Н. Н. Зарубиным» (Там же. С. 142), работа С. О. Шмидта впервые напомнила о неопубликованных трудах Н. Н. Зарубина.

² Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин; Подгот. к печати, примеч. и дополн. А. А. Амосова; Под ред. С. О. Шмидта. Л., 1982. (Далее сокращенно: Библиотека...)

³ Личный архив Н. Н. Зарубина был найден случайно (искусствоведом И. Ю. Пауковым и автором настоящей статьи) в Ленинграде в доме № 32/66 по ул. Ленина (кв. 25), расселенном на ремонт. В разборе архива принимали также участие Е. П. Николаева и Е. Гродникова.

⁴ О личном фонде Н. Н. Зарубина в РО БАН см.: Шмидт С. О. Исследование Н. Н. Зарубина... С. 37. Фонд ученого преимущественно состоит из неопубликованных научных работ, переданных на хранение его вдовой З. В. Зарубиной, многолетним сотрудником БАН. З. В. Зарубина скончалась 25 апреля 1985 г. в доме престарелых в Петродворце.

⁵ Биографические справки о Н. Н. Зарубине, приводимые в научной литературе о нем и его трудах, на редкость скудны. См.: Шмидт С. О. 1) Исследование Н. Н. Зарубина... С. 37; 2) От редактора // Библиотека... С. 3.

Более подробное описание найденных материалов займет вторую часть нашей работы. Пока обозначим основные этапы биографии ученого, следуя свидетельствам его личного архива ⁶ (находящегося в настоящее время в распоряжении автора статьи).

18 июля 1893 г. в Уфе в семье управляющего Казенной палатой статского советника Николая Павловича Зарубина, получившего дворянство за выслугу лет, родился сын Николай. Никакими данными о раннем периоде жизни Н. Н. Зарубина мы пока не располагаем. Невозможно по материалам его личного архива в точности установить, когда и по каким причинам семья переехала в Витебск,⁷ где в 1911 г. мы снова «встречаем» юного Николая Николаевича, уже закончившего Витебскую мужскую гимназию с серебряной медалью.

Вскоре Н. Н. Зарубин отправляется в Петербург, чтобы успешно выдержать вступительные экзамены на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета.

Осенью 1912 г. молодой ученый начинает занятия древнерусской литературой в просеминирии академика Н. К. Никольского. Исследования студенческих лет, продолженные и в этом семинарии, получили одобрение его учителя. Детальное изучение «Слова (Моления) Даниила Заточника», начатое Н. Н. Зарубиным в университетские годы, стало основой последующих разысканий по истории текста известного памятника и наметило в общих чертах направление целой серии дальнейших исследований.

В первый год учебы Н. Н. Зарубин не избежал участия в студенческих волнениях. Выступления учащихся были направлены против назначения на юридическом факультете Петербургского университета новых профессоров, угодных тогдашнему министру просвещения Л. А. Кассо.⁸

В начале 1910-х гг. намечаются изменения в личной жизни Н. Н. Зарубина. В декабре 1913 г. в Витебске он познакомился с Зинаидой Владимировной Стукалич, дочерью правоведа В. К. Стукалича. Завязалась обширная переписка, своего рода «эпистолярный роман», увенчавшийся заключением брака 23 октября 1915 г. в Петрограде.

Постепенно успехи Н. Н. Зарубина в изучении «Слова Даниила Заточника» начинают обращать на себя внимание и признаются авторитетными учителями столь весомыми, что к моменту окончания им университетского курса в 1916 г. Н. К. Никольский и И. А. Шляпкин ходатайствуют перед ректором о продлении срока пребывания многообещающего студента в университете еще на год.

По завершении выпускных испытаний в государственной Историко-филологической испытательной комиссии и представлении зачетной работы Н. Н. Зарубин был удостоен диплома 1-й степени. Вслед за тем, согласно удовлетворенным ходатайствам Н. К. Никольского и И. А. Шляпкина, молодой ученый остается при Петроградском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русского языка и литературы.

Из-за трудного материального положения ученый в 1918 г. уезжает из Петрограда с намерением обосноваться на некоторое время в Витебске. Вплоть до 1920 г. Н. Н. Зарубин преподает в уездных школах — сначала

⁶ Все факты и даты установлены нами по документам — удостоверениям и иным бумагам официального характера, различным вариантам автобиографий и анкет, письмам ученого и его окружения.

Из сохранившегося черновика одной из анкет З. В. Зарубиной явствует, что мать Николая Николаевича — Елизавета Ивановна Зарубина родилась в Витебске.

⁸ Кассо Лев Аристович (1865—1914) — доктор гражданского права, с ноября 1910 г. министр народного просвещения. Подробнее о нем см.: Н. А. (Афанасьев Н. И.?) Л. А. Кассо: (Некролог) // Новое время. 1914. № 13906.

в местечке Яновичи, затем — Бабиничи, близ Витебска. Больше досуга появляется летом, в каникулы, и он не теряет его даром, описывая славяно-русские рукописи витебских книгохранилищ, которые не были известны науке прежде.⁹

Однако связь с кафедрой, по-видимому, не оборвалась после переезда в Витебск. Письмом от 3 мая 1919 г. академик Н. К. Никольский извещает Н. Н. Зарубина о возможности возвращения в Петроград: «Аванс в конце концов пропущен контролем, и, вероятно или *быть может* (подчеркнуто Н. К. Никольским. — А. Т.), будет получен в конце этой недели. Можно было бы поэтому уж приступить к библиографической работе в ближайшее время, если бы общее положение наше не внушало опасений за возможность ее перерыва под влиянием внешних условий. От Вас зависит решить, приезжать ли Вам сюда немедленно или немного повременить. (...) Очень желал бы начать поскорее — при Вашем содействии — приведение в порядок собранных материалов, но совершенно не уверен в завтрашних днях: что принесут они нам?». Через три месяца после написания Н. К. Никольским этого письма следует официальное приглашение председателя Отделения русского языка и словесности академика А. А. Шахматова принять участие в предприятиях ОРЯС.

Н. Н. Зарубин смог вернуться в Петроград лишь год спустя после получения этих приглашений. Он был зачислен научным сотрудником ОРЯС по Музею славяно-русской книжности и одновременно с этим вторично оставлен при Петроградском университете на кафедре русского языка и литературы.

После окончательного переезда Н. Н. Зарубина в Петроград начался наиболее плодотворный период его жизни.¹⁰ Систематические и непрерывные занятия в крупнейших петроградских библиотеках позволили Н. Н. Зарубину занять одно из ведущих мест в ряду знатоков древнерусской рукописной и печатной книжности. Исследования по истории библиотеки Соловецкого монастыря и подготовленное Н. Н. Зарубиным издание текстов «Слова Даниила Заточника»¹¹ (после выхода книги из печати ученым были подготовлены «Описание рукописей, в состав которых входят тексты Слова Даниила Заточника», несколько ценных указателей и серия памятников

⁹ Кроме того, в этот период Н. Н. Зарубина интересовали вопросы комплектования библиотек дореволюционного Витебска. Две таблицы, приготовленные ученым на основе печатных источников, опубликованы в статье современного витебского краеведа (материалы переданы З. В. Зарубиной в 1970-е гг.). См.: Подлипский А. М. Из истории библиотек дореволюционного Витебска // Книговедение в Белоруссии: Сб. статей. Минск, 1977. С. 150, 158. Сообщено А. М. Подлипским в письме от 2 апреля 1985 г.

¹⁰ Дальнейшие служебные перемещения Н. Н. Зарубина таковы: с октября 1925 г. он состоит старшим библиотекарем и заведующим Отделом книг XVIII в. I Отделения Библиотеки АН СССР; в конце 1928 г. баллотировкой в Общем собрании АН СССР утвержден в должности старшего научного хранителя Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ) при Отделении гуманитарных наук (ОГН) АН СССР; в связи с сокращением этой должности в ноябре 1930 г. назначен научным сотрудником I разряда Комиссии древнерусской литературы (КДЛ) при ОГН АН СССР; при слиянии в 1930 г. КДЛ с Институтом новой русской литературы перечислен в штат вновь образованного Института русской литературы с оставлением в прежней должности в КПДЛ; постановлением Президиума АН СССР в мае 1935 г. переведен на должность ученого специалиста КПДЛ; с сентября 1936 г. (после смерти академика Н. К. Никольского в марте 1936 г.) переведен в штат БАН СССР. Подробнее об изменениях в организационных структурах исследовательских групп по изучению древнерусской литературы в конце 1920—1930-х гг. см.: Рождественская М. В. К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.): К 55-летию отдела // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 4—14.

¹¹ См. Приложение, № 4.

словесности, содержащих фрагменты или отдельные цитаты из изучаемого произведения¹²) вошли в золотой фонд отечественной медиевистики.

Подробное рассмотрение как осуществленных, так и незавершенных (или только намеченных) трудов Н. Н. Зарубина вывело бы нас далеко за пределы этой статьи. Полагая своей целью лишь краткое описание всего того, что может быть обозначено как вклад Н. Н. Зарубина в науку о литературе, мы в лучшем случае конспективно повторили бы уже пройденный самим исследователем путь. Поэтому следует ограничиться составлением сводного Списка научных трудов ученого,¹³ в котором использованы сведения, почерпнутые из «Автонекролога Н. Н. Зарубина» и ходатайства академика Н. К. Никольского о присуждении Н. Н. Зарубину ученой степени доктора литературоведения *honoris causa*.¹⁴

«Автонекролог Н. Н. Зарубина», заверченный в конце октября 1935 г.,¹⁵ стоит особняком среди прочих автобиографий.¹⁶ Его появление было вызвано к жизни не служебной необходимостью, а явилось плодом свободной (если отвлечься от выбора формы изложения) рефлексии исследователя о смысле и значении его ученой деятельности. По этой причине предметом «Автонекролога Н. Н. Зарубина» стал не перечень перемещений по служебной лестнице (о них речь идет попутно, вскользь), но суждение об осуществленных им историко-литературных исследованиях. Изложение событий в третьем лице мыслилось автором «Автонекролога» как сознательное указание на максимальную объективность предлагаемых оценок.

После смерти академика Н. К. Никольского в марте 1936 г. Н. Н. Зарубин, не оставляя своих прежних занятий, возглавил работу по материалам знаменитой картотеки. Он подготовил «Описание копий, снятых со списков памятников древнерусской книжности X—XI вв. и имеющих при картотеке академика Н. К. Никольского» и прочитал как минимум два доклада о картотеке и трудах покойного учителя (см. Приложение, № 15, 20, 21).

Усилия, предпринятые Н. Н. Зарубиным для того, чтобы работы по картотеке не были приостановлены, достойны глубокого уважения. В письме В. Д. Бонч-Бруевичу от 31 марта 1939 г. (отправлено 2 апреля 1939 г.) ученый проанализировал причины неудовлетворительного состояния обработки картотеки (в том числе и планово-финансовые). Н. Н. Зарубин, в частности, писал: «17/1 с(его) г(ода) со мною неожиданно случился приступ острого аппендицита. Положение оказалось настолько серьезным, что пришлось подвергнуться немедленной операции. Только 10 февраля я снова

¹² Фонд Н. Н. Зарубина в РО БАН. Приносим глубокую благодарность А. А. Амосову за предоставление возможности ознакомиться с материалами фонда (*Примеч. — 1985 г.*).

¹³ См. Приложение. Составлен на основе посмертного Списка научных трудов Н. Н. Зарубина, подготовленного З. В. Зарубиной. Несмотря на то, что этот последний достаточно подробен (20 пунктов, состоит из 5 разделов: «А. Работы напечатанные, Б. Приготовлено к печати, В. Прочитаны доклады, Г. Сдано в печать, Д. Собраны материалы»), потребовалось внести поправки и дополнения с учетом современного состояния дел. Кроме того, в наш сводный Список научных трудов включены ссылки на те материалы, где встречаются упоминания о том или ином исследовании.

¹⁴ Ученая степень кандидата литературоведения была присуждена Н. Н. Зарубину без защиты диссертации на заседании Президиума АН СССР 25 октября 1935 г.

¹⁵ «Автонекролог Н. Н. Зарубина» представлен в нашем собрании 17 л. (кроме титульного листа) черного текста и 2 л. «заключительной» редакции, содержащей незначительные исправления преимущественно стилистического характера.

¹⁶ Помимо «Автонекролога» наибольший интерес для биографа представляют две автобиографии: «*Curriculum vitae*» с приложением «Списка научных работ напечатанных и находящихся в печати» (составлена 11 ноября 1928 г.) и «Автобиография ученого специалиста КПДЛ при ИЛИ АН СССР Н. Н. Зарубина» (составлена 1 июня 1936 г.). Кроме описанных автобиографий обнаружены черновики двух анкет и черновик «Краткого *Curriculum vitae*» (8 апреля 1935 г.).

приступил к работе, но, вследствие некоторых осложнений, даже и сейчас чувствую себя недостаточно окрепшим.

В течение болезни мне нередко приходило в голову, что будет с картотекою акад(емика) Н. К. Никольского, если меня не станет. Ведь никто, кроме меня, не знает ни того, на чем остановилась работа после смерти акад(емика) Н. К. Н(икольско)го, ни того, как ее вести в дальнейшем, ни, наконец, общей схемы частей картотеки и их взаимоотношений друг с другом и с его библиотекой, не говоря уже о тех научных идеях, которые положены в основу при создании картотеки ее составителем и которые, хотя в печати, в общих чертах, и известны, но принципиально отвергаются лжеспециалистами по истории древнерусской литературы, плотно засевавшими в стенах АН СССР.

Что же сделала АН СССР для того, чтобы обезопасить 40-летние научные труды своего действительного члена от превращения их в груды никому не нужного хлама? Кому я мог бы передать свои знания об этих работах? Кто был бы в состоянии осуществлять их если не сейчас, то тогда, когда, наконец, или сама АН СССР сообразит или ей разъяснят свыше, что без предварительных научно-библиографических разысканий по древнерусской рукописной книжности научная разработка гуманитарных дисциплин по славяно-русскому средневековью невозможна?

Три года прошло со смерти акад(емика) Н. К. Н(икольско)го, но сколько я ни добиваюсь, куда ни обращаюсь — толку ни на грош. А ведь вот опыт уже есть: доктор, производивший мне операцию, утверждает, что еще немного и мой аппендицит перешел бы в перитонит, и уже тогда никто не был бы в состоянии извлечь из меня сведений о картотеке акад(емика) Н. К. Н(икольско)го, как нельзя их получить теперь и от него самого.

Неужели же посмертные научные труды акад(емика) Н. К. Никольского постигнет та же бесславная участь, что и библиографические работы Строева, Межова, Лисовского, Венгерова и т. п., некоторые из которых нашли себе вечный покой в архивных и библиотечных усыпальницах АН СССР?» (цит. по сохранившемуся в разысканном личном архиве Н. Н. Зарубина черновику письма).¹⁷

Предчувствия в отношении своего здоровья не обманули ученого. Следующий 1940 год сложился неудачно. Конец года Н. Н. Зарубин провел в больнице. Встреча нового — 1941-го — прошла в клиническом тубсанатории в г. Пушкине, откуда больной был выписан лишь в январе. Врачи констатировали гепатит паренхиматозного типа. Подробности лечения известны по письмам Н. Н. Зарубина этого времени. Все они писаны карандашом на случайных клочках бумаги и поддаются прочтению с определенным трудом.

¹⁷ По мнению М. В. Рождественской, некоторые оценки Н. Н. Зарубина, высказанные в этом письме, отличаются неумеренным субъективизмом и требуют рассмотрения в общем контексте проблем, стоявших перед исследовательскими группами по древнерусской литературе в 1930-е гг. Ср. замечания по материалам Н. К. Никольского, высказанные В. П. Адриановой-Перетц в письме Н. К. Гудзю от 28 апреля 1936 г.: «„Ученое наследие“ Ник(олая) Конст(антиновича) (Никольского. — А. Т.) свалилось на меня тяжелым кирпичом. Езжу сейчас в Дет(ское) Село, где происходит опись его библиотеки, а я предварительно должна определять, что куда идет. (...) мне сейчас приходится перебирать по одной все книжки Н(иколая) К(онстантиновича). Грязь чудовищная. Я никогда не могла себе представить, чтобы можно было жить и работать в такой грязи. Кавардак соответствующий. Системы почти нигде нет. А много ценного» (РО ИРЛИ, ф. 728, не разобран). Указано М. В. Рождественской и Е. П. Николаевой. Пользуясь случаем, выражаем глубокую признательность за сообщение и консультацию.

Блокадная зима 1941/42 г. довершила начатое болезнями: Н. Н. Зарубин умер 1 марта 1942 г.¹⁸ Именно этот день постоянно называет З. В. Зарубина датой смерти своего супруга (во всех анкетах и кратких биографических заметках о Н. Н. Зарубине). «Николай Николаевич погиб во время блокады Ленинграда, 1/III—(19)42 года», — отмечает она в послевоенном письме к В. Д. Бонч-Бруевичу (цит. по сохранившемуся черновику письма). Кроме того, среди бумаг З. В. Зарубиной был обнаружен черновик ее послевоенного письма к другу семьи, Валериану Сергеевичу Золотилу, где рассказано о последних днях Николая Николаевича: «Коля был уже очень слаб и с трудом вернулся домой (после посещения общих знакомых. — А. Т.). Был ясный (1 слово нрзб.) день, и, подходя к дому, он мне сказал, что чувствовал, что последний раз смог выйти на улицу. (...) Колюшка угасал в течение 2-х недель (...) В блокаду умирали различно, но все без сознания, так что и с Колей мы не попрощались, хотя умер он у меня на руках».

Теперь обратимся к более подробному описанию материалов найденного архива.

В группе рукописей научного характера¹⁹ много черновиков, иллюстрирующих процесс работы Н. Н. Зарубина над изданием текстов «Слова Даниила Заточника». Сохранился значительный фрагмент студенческой работы «Добавление к описаниям рук. рук. № 43/1120 И(мператорской) Д(уховной) А(кадемии)²⁰ и пр(офессора) Н. К. Никольского». Множество копий, снятых со списков «Слова Даниила Заточника», свидетельствует о тщательности проделанной Н. Н. Зарубиным текстологической работы; немало листов уделено сопоставлению различных списков обеих редакций памятника. Некоторые рукописи Н. Н. Зарубина удалось идентифицировать по хранящейся в РО БАН машинописи «Описание рукописей, в состав которых входят тексты Слова Даниила Заточника».²¹ Таковы «Отрывки из выборки из отцов церкви» — копия текста, содержащего цитаты из «Слова Даниила Заточника» (ср. текст, воспроизведенный в приложении к «Описанию рукописей...»), и описание рукописи № 73 собрания Ф. А. Толстого (ГПБ. 0.1.73). Представлены копии, снятые с текстов памятников, связанных со «Словом Даниила Заточника» при посредстве цитирований: фрагмент «Словеса избранна изо Пчелы» (ГПБ, собр. Погодина, № 1315, л. 166 об.—172), отрывок без заглавия (из рукописи БАН 21.8.13), выдержка из рукописи БАН 23.1.4 (собр. Колобова). Фрагменты окончательной редакции статьи «Судьбы русской средневековой литературы и ее современное изучение», которая предназначалась к публикации в одном из редактировавшихся В. Д. Бонч-Бруевичем сборников «Звенья»,²² и подготовительные материалы к статье «К вопросу о первом издании (1800 г.) Слова о полку Игореве»²³ дополняют собрание научных трудов Н. Н. Зарубина, хранящееся в РО БАН по воле его вдовы. Из прочих материалов отметим описание рукописного сборника разных почерков XVII в. из библиотеки Н. К. Никольского,²⁴ таблицы соответствий между текстами «Слова Даниила Заточника» и различными редакциями «Пчелы» (по нескольким изданиям) и рукописи периода работы Н. Н. Зарубина в Отделе

¹⁸ В научной литературе упоминается ошибочная дата смерти — 5 января 1942 г.

¹⁹ Эти материалы переданы на хранение в РО БАН в 1985 г.

²⁰ Здесь и далее шифры рукописей оставлены такими, как их дает Н. Н. Зарубин. Уточнением современных шифров мы не занимались.

²¹ Ср. Приложение, № 4.

²² Статья не была опубликована.

²³ См. Приложение, № 5.

²⁴ Местонахождение сборника нам неизвестно.

книг XVIII в. Библиотеки АН СССР, содержащие заметки о редких изданиях и их наличии в БАН.

Одна из двух больших картотек, приведенных нами в порядок, является, по-видимому, «ключом» к исследованию Н. Н. Зарубина о библиотеке Соловецкого монастыря. При необходимости получить информацию о вкладчике книги следует обратиться к именной картотеке. Поскольку в труде Н. Н. Зарубина соблюден алфавитный порядок названий книг, сделать это, не прибегая к помощи именной картотеки, было бы затруднительно. Вторая большая картотека свидетельствует о предварительных стадиях работы Н. Н. Зарубина над исследованием о библиотеке Соловецкого монастыря. В ней соблюден алфавитный порядок названий книг. Кроме того, помимо карточек с различными выписками обнаружено и несколько малых картотек, в том числе «Указатель слов, встречающихся в списках Слова Даниила Заточника», опубликованный в издании 1932 г. (см. Приложение, № 4).

Немало новых биографических данных было почерпнуто нами из эпистолярной части архива. Письма Н. Н. Зарубина, его корреспондентов и переписка лиц из ближайшего окружения ученого — это в большинстве случаев беловые автографы. Лишь несколько писем Н. Н. Зарубина и его вдовы сохранились в черновых редакциях (вероятно, черновик не уничтожился из-за важности послания). Часть писем дошла до нас в поврежденном виде; кое-где утрачены начало или конец текста, отдельные письма представлены фрагментами без начала и конца.

Обнаружено более 40 писем Н. Н. Зарубина, относящихся к разным периодам его жизни. Самый значительный и обширный эпистолярный цикл — студенческие послания к невесте (24 письма, охватывающие период «не ранее 10 мая 1914 г.—4 сентября 1915 г.»). Рассказу о текущих университетских делах посвящено письмо к матери, Елизавете Ивановне, от 21—22 марта 1916 г. Известно 5 писем Н. Н. Зарубина к сестре З. В. Зарубиной Нине Владимировне Стукалич (4 послания относятся к 1920-м гг., пятое — от 14 августа 1939 г.).²⁵ Особую группу составили письма конца 1940—начала 1941 г. (так называемые больничные, все они написаны в клиническом тубсанатории в г. Пушкине), обращенные к З. В. Зарубиной (8) и Н. В. Стукалич (1); к ним примыкает письмо к З. В. Зарубиной от 18 августа 1940 г.²⁶ Письмо к З. В. Зарубиной от 21 сентября 1939 (?) г. написано совместно с Н. В. Стукалич. Три письма Н. Н. Зарубина представлены черновыми редакциями: два из них адресованы академику Н. К. Никольскому, третье — В. Д. Бонч-Бруевичу (цитировавшееся письмо от 31 марта 1939 г.).

Среди разысканных материалов выявлено 6 писем корреспондентов Н. Н. Зарубина. Сохранилось три (из них два — на открытках) письма З. В. Зарубиной в клинический тубсанаторий в г. Пушкине (все датируются декабрем 1940 г.) и три (включая телеграмму 1920 г.) послания академика Н. К. Никольского. Представляла бы интерес специальная публикация письма от 30 апреля 1930 г., в котором Н. К. Никольский запрашивает Н. Н. Зарубина о местонахождении рукописи «Толст. II. 436» (в прошлом — императорской Публичной библиотеки), впервые описанной П. М. Строевым в 1825 г. и заинтересовавшей академика М. Н. Сперанского в связи с поисками одного из списков «Хождения» Стефана Новгородца, — и обстоятельного ответа Н. Н. Зарубина, который был дан в письме от 8 мая 1930 г. (сохранилась черновая редакция).

²⁵ Кроме этих писем существует приписка Н. Н. Зарубина на письме З. В. Зарубиной к Н. В. Стукалич от 6 февраля 1926 г.

²⁶ Все письма, выделенные в эту группу, написаны карандашом.

Нередко корреспонденция близких Н. Н. Зарубина становится еще одним источником его биографии. Любопытные сведения о частной жизни ученого содержатся в письмах З. В. Зарубиной к своей сестре, Н. В. Стукалич (все они принадлежат 1920-м гг., витебскому, до переезда в Ленинград, периоду жизни Нины Владимировны). Описываются приемы гостей, квартирный ремонт, сборы в поездку по Кавказу и побережью Черного моря, визит Н. К. Никольского, работа Н. Н. Зарубина над подготовкой текстов «Слова Даниила Заточника» к печати.

Мы выбрали для публикации два отрывка из писем З. В. Зарубиной к Н. В. Стукалич, представляющих ценность для истории науки. Первый является выдержкой из недатированного письма 1920-х гг. с утраченным началом, второй извлечен из письма от 18 апреля 1927 г.

1. «Н(иколай) К(онстантинович) явился около 1 ч(аса) дня и пробыл до 2¹/₂ ч(асов). Ему, по-видимому, было хорошо у нас. По своему обыкновению, он говорил изящные любезности во французском старинном стиле, придавая им оттенок не то комплимента, не то иронии. У него это выходит удивительно изящно. Мы с К(олей) сияли, как и всегда в его присутствии. Прощаясь, приглашал меня в Детское (Село. — А. Т.) слушать соловьев».

2. «Коля готовится к изданию тексты Д(аниила) Зат(очника); сидит целыми днями, мало спит, не слушает концертов по радио (хотя, кажется, он и вообще не расположен их слушать) — вообще ведет себя возмутительно. Недавно он читал в Инст(итуте) Кн(иговедения) — и его очень хвалили».²⁷

Отрывочные воспоминания о совместном с Н. Н. Зарубиным гимназическом прошлом и дружеских отношениях, связывавших автора с семьей Зарубиных в 1920-е и 1930-е гг., присутствуют в послевоенных письмах В. С. Золотилова З. В. Зарубиной. В послании, не поддающемся точной датировке, В. С. Золотиллов сетует на скоротечность жизни: «Как-то уж очень быстро все свершилось. Давно ли мы с Колей бродили ночью по Семинарскому и Губернаторскому бульварам (в Витебске. — А. Т.), философствуя о жизни, а теперь и от города-то этого почти ничего не осталось».²⁸

Письма Н. Н. Зарубина к З. В. Стукалич 1914—1915 гг. заслуживают более пристального рассмотрения. В них рассеяна информация об университетской жизни тех лет и о скромном повседневном быте студента-провинциала. Н. Н. Зарубин довольно часто посвящает возлюбленную в свои научные планы — рассказывает о подготовке к экзаменам, работе над курсовым сочинением. Примечательно письмо от 23 апреля 1915 г., повествующее о визите к Н. К. Никольскому и обсуждении с ним «работы под наименованием „Моление Даниила в редакции XII в(ека) и вопрос о взаимоотношении списков этой редакции“», представленной Н. Н. Зарубиным руководителю. В послании приводятся замечания Н. К. Никольского «о новом методе» исследования ученика.

Всякий раз, обращаясь к творчеству писателя или ученого, имеет смысл начинать обсуждение его метода с анализа авторских суждений на этот счет — уровня автометаописания.

Напомним: в цитированном письме В. Д. Бонч-Бруевичу от 31 марта 1939 г., поясняя, «что без предварительных научно-библиографических разысканий по древнерусской рукописной книжности научная разработка гуманитарных дисциплин по славяно-русскому средневековью невозможна», Н. Н. Зарубин — словно мимоходом — изложил свое вполне зрелое иссле-

²⁷ См. Приложение, № 18.

²⁸ Имеются в виду сильные разрушения, которые претерпел Витебск в период войны 1941—1945 гг.

довательское *credo*. Судя по некоторым записям, это убеждение ученого сформировалось задолго до написания письма. Так, еще в дневниковой записи от 25 октября 1923 г. Н. Н. Зарубин сожалеет: «Грустна русская наука. И того, что под носом валяется, — и того-то не описывают, а хлопочут о каких-то высших синтезах и общих теориях! Скюшно!».

Не по причине ли сознательной ориентации на «предварительные научно-библиографические разыскания» многолетние и «во многом предвосхитившие и современные методы книговедческих и библиотекведческих исследований»²⁹ труды Н. Н. Зарубина не получили той «доли известности», которая бы им по праву принадлежала, будь они напечатаны?

Уяснение метода студенческих исследований Н. Н. Зарубина — проблема более частная. К сожалению, какие-либо следы работы Н. Н. Зарубина о «применении теории вероятности к исследованию вариантов по 2-м и 3-м спискам памятника (т. е. «Слова Даниила Заточника». — А. Т.)» пока неизвестны,³⁰ а возможно — и бесповоротно утрачены. Поэтому, не имея достаточного числа исходных данных для гипотетической реконструкции «нового метода», нам остается объединить те фрагменты информации о ранних научных штудиях исследователя, которые содержатся в частных письмах и «Автонекрологе Н. Н. Зарубина».

Судя по тексту письма к З. В. Стукалич от 23 апреля 1915 г., Н. Н. Зарубин, будучи приглашен Н. К. Никольским для обсуждения курсового сочинения, робко спросил, «что он думает о моей работе, т(о) е(сть) стоит ее продолжать или же почить на лаврах». Не выказав удивления ученической рефлексией, Н. К. Никольский мягко приободрил не в меру скромного студента. В изложении Н. Н. Зарубина: «На оный вопрос Н(икольский) ответил, что не продолжать было бы с моей стороны низко, т(ак) к(ак) направление моей работы не только оригинально, но и представляет в достаточной мере научную ценность уже (напр(имер), критика профессора Миндалева³¹)...».

В чем заключается существо этих критических замечаний, пояснено во вступительной части «Автонекролога Н. Н. Зарубина»: «Будучи на 3-м курсе и работая в семинарии по древнерусской литературе у акаде(мика) Н. К. Никольского, Н. Н. Зарубин, ознакомившись с вышедшей в то время в свет книгой казанск(ого) проф(ессора) П. Миндалева „Моление Даниила Заточника“, написал о ней свои замечания, в которых подошел критически к методу исследования и приемам издания текста Слова Д(аниила) З(аточника), обнаружив ряд неточностей в подборе вариантов, сомнительность устанавливаемой³² Миндалевым генеалогии списков и необоснованность конечного вывода о первенстве редакции XII века Слова Даниила Заточника. («Критичес(ие) замеч(ания) на работу П. Миндалева «Мол(ение) Д(аниила) З(аточника)»».³³ Ознакомившись с подлинными рукописными текстами Слова, Н. Н. З(арубин) остановил свое внимание на разночтениях, встречающихся в списках одной и той же редакции, и, взяв под сомнение применение формального метода к вопросу о взаимоотношении списков, рассмотрел с точки зрения теории вероятностей проблему возникновения тождественных вариантов для 2-х и 3-х списков данного

²⁹ Шмидт С. О. От редактора. // Библиотека... С. 7.

³⁰ Среди найденных документов обнаружен единственный двойной лист с графиками частотности словоупотреблений в пяти памятниках, свидетельствующий о приверженности Н. Н. Зарубина статистико-математическим методам исследования.

³¹ Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914.

³² В оригинале ошибочно: «устанавливаемых».

³³ Так в тексте Н. Н. Зарубина.

памятника, установив теоретическую возможность появления одних и тех же разночтений помимо непосредственного заимствования их писцом из переписываемого текста («Применение теории вероятности к исследованию вариантов по 2-м и 3-м спискам данного памятника»)» (черновик заключительной редакции, л. 1).

Между тем в ноябре 1914 г. ничто не предвещало логичного, избавленного от эмоций изложения, свойственного «Автонекрологу». В письме невесте Н. Н. Зарубин, словно играючи, сообщал: «Задумал я забавную одну штучку в рассуждении вариантов к Д(аниилу) З(аточнику); столько, знаешь, возни у меня с ним, что трудно выразить словами: и так и сяк подхожу и то-то делаю и се-то, а на поверку дело не ахти как подвигается вперед: все окаянные запутанные места время отнимают. Ищу теперь законы, в силу которых происходит смешение варьантов — дело хитрое, не легкое, и трудно суть-то поймать за хвост. Но, с Божией помощью, думаю найти».³⁴

Работа над курсовым сочинением подвигалась мучительно медленно: «Если мне удастся моя работа — то это будет кое-что новенькое в области исследований текстов, но повторяю, все это в высшей степени трудно, шатко и требует массу времени. Шутка сказать: я не кончил еще вступления „Критика «анализа» редакции XII в(ека) проф(ессора) Миндалева“, т(о) е(сть) того, что служит просто легким разбором его статьи и что необходимо предпослать моей работе; а между тем она, т(о) е(сть) „критика“, захватывает уже 20 страниц больших листов и все сие уписано мелким шрифтом.

Вот каковы мои дела! А еще нужно „введение“ — т(о) е(сть) объяснение метода, каким я хочу вести свою работу, что тоже должно занять страниц 5, и лишь после этого приступить к „своей“ работе».³⁵

Но самое трудное препятствие, которое пришлось преодолеть Н. Н. Зарубину при работе над курсовым сочинением, — испытание любовью: «Вообще эта любовь сводит с ума только порядочных людей. Мне бы вот лучше было подумать о методе А. А. Шахматова в деле отыскания наиболее правильных текстов, а то не о чем будет и говорить с Никольским (тот уж верно думает, что я ему еще что-нибудь принесу), а тебе бы поучить синтаксис латинский; только вот в действительности-то Даниил (Заточник. — А. Т.) мне и на ум нейдет, уж не знаю, как тебе твоей синтаксис...».³⁶

Быть может, и удалось Н. Н. Зарубину ненадолго разубедить свою невесту в серьезности поставленных научных целей... Что же касается его учителей, они все более и более убеждались в обратном и ходатайствовали перед ректором Петроградского университета о продлении срока пребывания Н. Н. Зарубина в учебном заведении. Ходатайства академика Н. К. Никольского и профессора И. А. Шляпкина печатаются по тексту письма Н. Н. Зарубина к матери от 21—22 марта 1916 г., где они приведены дословно.

«Его превосходительству
г(осподину) ректору Петроградского университета.

К прошению студента Историко-филологического факультета Н. Н. Зарубина (приема 1911 г.)³⁷ — ввиду успехов его в изучении истории древнерусской литературы — позволяю себе присоединить и свое ходатайство о предоставлении ему возможности продлить срок пребывания в Университете до конца следующего 1916/7 учебного года. После занятий в просеминатории по указанной специальности (в 1913 г.) г(осподин) Зарубин продолжал усердно

³⁴ Письмо к З. В. Стукалич, датируемое по содержанию ноябрем 1914 г.; начало письма не сохранилось.

³⁵ Письмо к З. В. Стукалич от 24 января 1915 г.; начало письма не сохранилось.

³⁶ Письмо к З. В. Стукалич от 21 апреля 1915 г.

³⁷ Нами обнаружены два черновика прошения, составленного Н. Н. Зарубиным на имя ректора Петроградского университета.

изучать произведения древнерусской письменности, уделяя особенное внимание памятникам ее XII—XIII века. На тему о первоначальной редакции „Моления Даниила Заточника“ (господином) Зарубиным было предоставлено зачетное сочинение, получившее одобрение проф(ессора) И. А. Шляпкина и обнаружившее в авторе наряду с трудолюбием редкое умение разбираться в сложных вопросах, связанных с наблюдениями над произведениями древнерусской письменности. Было бы достойным сожаления, если бы эти полезные для науки занятия были прерваны необходимостью поспешного окончания университетского курса.

21 марта 1916 г.

Приват-доцент
Н. Никольский».

На следующий день профессор И. А. Шляпкин сделал приписку на прошении Н. К. Никольского:

«Вполне присоединяюсь к ходатайству Н. К. Никольского и считаю не лишним указать, что (господину) Зарубину только 22 года, а успехи его обещают в будущем основательного ученого.

Проф(ессор) И. Шляпкин.

22 III 1916 г.».

И. А. Шляпкин выказал завидную проницательность. В 1935 г., ходатайствуя о присуждении Н. Н. Зарубину ученой степени доктора литературоведения без защиты диссертации,³⁸ академик Н. К. Никольский констатировал, что труды его ученика «обнаружили» «не заурядного ученого профессионала, а исследователя, пролагающего в науке новые пути в ее поступательном движении».³⁹ Независимые современные оценки научного наследия Н. Н. Зарубина⁴⁰ не только подтверждают, что характеристика, предложенная Н. К. Никольским, не требует опровержений, но внушают надежду на всестороннее изучение в будущем вклада ученого в историю древнерусской литературы.

³⁸ Ходатайство не было удовлетворено.

³⁹ Никольский Н. (Ходатайство о присуждении Н. Н. Зарубину ученой степени доктора литературоведения *honoris causa*.) Л. 10.

⁴⁰ Ср., например, примеч. 29.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Н. Н. ЗАРУБИНА
А. РАБОТЫ НАПЕЧАТАННЫЕ¹

1. Очерки по истории библиотечного дела в древней Руси. 1. Применение форматного принципа к расстановке книг в древнерусских библиотеках и его возникновение // Сб. российской Публичной библиотеки. Т. 2. Материалы и исследования. Вып. 1. Пг., 1924. С. 190—229.²
2. Книга каменная // Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 337—340. (СОРЯС. Т. СІ. № 3).³
3. (Б. а.) Отдел книг XVIII века // Библиотека Академии наук СССР. 1728—1929: Краткий исторический очерк и путеводитель. Л., 1929. С. 43—48 (кроме с. 45—46 — описания Придворно-служительской библиотеки, принадлежащего В. И. Покровскому).⁴
4. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 3).
5. К вопросу о первом издании (1800 г.) «Слова о Полку Игореве» // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 523—527.
6. Заря утренняя или вечерняя? (Из комментария к «Слову о полку Игореве») // ТОДРЛ. Л., 1935. Т. 2. С. 95—155.
7. Академик Н. К. Никольский // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1936. № 4. С. 119—124.⁵
8. Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин; Подгот. к печати, примеч. и дополн. А. А. Амосова; Под ред. С. О. Шмидта. Л., 1982.

Б. ТРУДЫ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ К ПЕЧАТИ
ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО

9. Послание Климента Смолятича.⁶
10. Сказания о птицах.⁷
11. «Слово о женах» старца Евфросина.⁸
12. Полный и подробный словарь к «Слову о полку Игореве».
13. Описание рукописей, в состав которых входят тексты Слова Даниила Заточника. С приложением Слова Даниила Заточника по списку Ко-

¹ О принципах составления Списка научных трудов см. примеч. 13.

² Лепший в основу статьи доклад был прочитан дважды: в Обществе любителей древней письменности и искусства в 1922 г. и Библиологическом обществе в 1923 г. (АНГ, черн. ред.)³

³ Извлечение из доклада, прочитанного в Обществе любителей древней письменности и искусства «в июле 1923 г.» (Св). Ср.: «Я написал статью „Каменная книга“, которую собираюсь читать в „Обществе любителей древ(ней) письменности“» (письмо к Н. В. Стукалич от 5 июля 1923 г.); согласно Ход. НКН, доклад прочитан «6 июня 1923 года»; в Перечне ЗВЗ указана дата «12 сент(ября) 1923 г.» (последние два указания, вероятно, ошибочны).

⁴ Ход. НКН; АНГ, черн. ред.

⁵ Извлечение из доклада, прочитанного на заседании Кабинета славянских языков Института языка и мышления (ИЯМ) АН СССР в июне 1936 г. Вероятно, имеется в виду № 20 настоящего Списка.

⁶ Св добавление 1932 г.; Ход. НКН; АНГ, черн. ред.

⁷ Св добавление 1932 г.; Ход. НКН; АНГ, черн. ред.

⁸ Св добавление 1932 г.; Ход. НКН; АНГ, черн. ред. Ср. мнение Н. Н. Зарубина: «Ни одна из этих трех работ (т. е. № 9—11 нашего Списка. — А. Т.) не подготовлена настолько, чтобы быть опубликованной в печати...» (АНГ, черн. ред.).

- пенгагенской Королевской библиотеки № 553 и вновь открытого Слова Даниила Заточельника о злых женах по рукописи Государственного Исторического музея № 3807/н. Составил Н. Н. Зарубин.⁹
14. Библиотека Соловецкого монастыря (материалы по истории библиотеки Соловецкого монастыря за XV—XVIII вв.).
 15. Описание копий, снятых со списков памятников древнерусской книжности X—XI вв. и имеющихся при картотеке академика Н. К. Никольского.
 16. Судьбы русской средневековой литературы и ее современное изучение.¹⁰
 17. По поводу рецензии В. Н. Перетца «Академическое издание Моления Даниила Заточника».¹¹

В. ПРОЧИТАННЫЕ ДОКЛАДЫ¹²

18. О внешности книг по описям древнерусских библиотек. Прочитан 25 марта 1927 г. на заседании I Секции научно-исследовательского Института книговедения при Государственной Публичной библиотеке под председательством А. И. Малеина.¹³
19. Описание основного фонда Отдела книг XVIII века I Отделения Библиотеки АН СССР. Прочитан в феврале 1928 г. на заседании Комиссии по истории Библиотеки АН СССР под председательством А. И. Малеина.¹⁴
20. Характеристика научных трудов академика Н. К. Никольского с приложением списка печатных научных трудов. Прочитан в июне 1936 г. на заседании Кабинета славянских языков ИЯМ АН СССР.¹⁵
21. Картотека академика Н. К. Никольского и ее научное описание. Прочитан 8 февраля 1940 г. на заседании Кабинета славянских языков ИЯМ АН СССР.¹⁶

Г. СОБРАНЫ МАТЕРИАЛЫ

22. Для сводного издания описей древнерусских библиотек XV—начала XVIII вв. (свыше 100 описей).
23. Для словаря технических терминов древнерусской книги (до 2500 карточек).

⁹ В этот труд в качестве приложения вошел «Указатель параллельных мест из библейских книг к Слову Даниила Заточника», упоминаемый в Перечне ЗВЗ под № 9

¹⁰ О несостоявшейся публикации статьи см выше В обнаруженном архиве статья представлена страницами 1—16, 36—38 окончательной редакции

¹¹ Рецензия В Н Перетца была напечатана в 1-м томе ТОДРЛ (Л, 1934 С 341—350) Ответ Н Н Зарубина был передан в редакцию ТОДРЛ летом 1935 г (об этом см АНГ, черн, ред), однако не появился в печати

¹² В этом разделе Списка учтены лишь неопубликованные доклады Сведения о докладах, попавших в печать, приведены в разделе «А» Списка

¹³ См, письмо З В Зарубиной Н В Стукалич от 18 апреля 1927 г, Ход НКН, АНГ, черн ред, Перечень ЗВЗ В Перечне ЗВЗ указано иное название доклада — «Характеристика внешности книг по описям древнерусских библиотек»

¹⁴ Ход НКН, АНГ, черн ред, Перечень ЗВЗ Статья предназначалась для напечатания в сборнике по истории Библиотеки АН СССР Об этом см Св, Ход НКН, АНГ, черн ред, Перечень ЗВЗ

¹⁵ Доклад был принят к напечатанию в Трудах Кабинета славянских языков ИЯМ АН СССР Об этом см Перечень ЗВЗ

¹⁶ Эту дату называют черновой заметка З В Зарубиной «Работы (Н Н Зарубина) после 1939 г» и статья В Ф Покровской «Картотека академика Н К Никольского» (Труды Библиотеки Академии наук СССР М, Л, 1948 С 142)

24. По изучению лексики «Слова о полку Игореве» в ее связи с лексикой западно- и юго-славянских языков (до 16 000 выписок из словарей чешского, польского, нижнелужицкого, словенского, болгарского, сербского, украинского и белорусского языков).

Д. СТУДЕНЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ¹⁷

25. Критические замечания на работу П. Миндалева «Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники».
26. Применение теории вероятности к исследованию вариантов по 2-м и 3-м спискам Слова Даниила Заточника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНГ	— «Автонекролог Н. Н. Зарубина».
Сv	— Зарубин Н. <i>Currículum vitae</i> .
Сv добавление 1932 г.	— Приписка 1932 г. рукою Н. Н. Зарубина к рукописи <i>Currículum vitae</i> .
Ход. НКН	— Никольский Н. «Ходатайство о присуждении Н. Н. Зарубину ученой степени доктора литературоведения <i>honoris causa</i> ».
Перечень ЗВЗ	— (Зарубина З. В.) Перечень научных работ Н. Н. Зарубина, напечатанных и имеющих в рукописи.

Все рукописи, отмеченные в «Списке сокращений», находятся в собрании автора статьи (Санкт-Петербург).

¹⁷ Источниками сведений об университетских трудах Н. Н. Зарубина являются АНГ и его письма З. В. Стукалич 1914—1915 гг. Подробнее см. в основном тексте статьи.